

Сергей Попов

Шалая звезда

* * *

«Женись на мне, а я тебе рожу
такого сына, что святого духа
к отцовскому слепому куражу
без спросу подмешает повитуха.

Чтоб навсегда в обличье малыша,
и до конца самой себе не веря,
твоя сиюминутная душа
облюбовала будущее время».

Ночь хороша. Душа на всех парах
живёт вчерашним и юлит при теле.
И разбивая разум в пух и прах,
не терпит календарной канители.

Конечно, да. Конечно, навсегда.
Хотя о том — никто ни сном, ни духом...
И поджигает шалая звезда
всю землю, оказавшуюся пухом.

* * *

Лето случится славным наверняка.
Сколько кружить безумью и жировать беде?
Прянет крошечный свет, расступятся облака
и на потешном вспомнится всё суде.

Будто судить дано лишь из ясных дней,
всё расставлять вослед по чужим местам
и убеждаться сдуру, что так верней —
только вчерашний воз и поныне там.

Перестановки, ясно, что не спасут —
лишь раззадорят полного мудреца,
чтоб вопреки всему был нестрашен суд
и выгорало впредь не терять лица.

Грянет июнь листвой гробовых времён,
заполонив зрочки первачу чернил,
что различать с рожденья приговорён
в лиственном шуме ропот безумных крыл.

Но западает издавна на тепло,
раннюю зелень, позднюю правоту,
дальнее оглушительное «алло»,
сухость послепраздничную во рту.

Пригород счастья, где теневая сеть
не сбережёт в ячеях чумную речь,
что за грудиной камнем слезы висеть
только и может, но не сильна сберечь.

Ветви заполнят небо, вратуют в зенит,
правды и кривды станут игрой теней...
И никакая толком не объяснит,
что на свету бесславья творится с ней.

* * *

то тишиною то мощною
с устатку бредишь наяву
оплечь отечество смешное
сквозь листья смотрит и траву

хоть в жёлтом доме хоть в зелёном
живёшь в массиве вместе с клёном
немеешь в облаке дождя
под глинозём переходя

при этом ахая от жажды
узнать откуда чудеса
кругом возникшие однажды
как божья шалая роса

к чему безоблачное небо
какая в облаке потреба
но пуще сосен и осин
не ясен сам себе один

лесная родина учёта
контроля славы и труда
где в списке доблестей у чёрта
любое горе не беда

хоть множь вопросы без ответа
хоть отвечай за всё подряд
ты в жизнь не купишься на это
как лесоводы говорят

твой хинный привкус тих и стоек
неотделим как банный лист
едва ли в толк возьмёт историк
и разберёт натуралист

гроссбух где водкой смыто фио
описку давешнюю клио
вчерашний смех смешное ах
и веток вымученный взмах.

* * *

во сне сознание колеблется
 в оконце зыблется весна
 ужели ты монада лейбница
 чья степень яви не ясна

о эти перлы метафизики
 в предверье первого луча
 что детства праздники и финики
 что неба прошлого парча

но аналогий траектории
 родней страдальцу от ума
 в неукоснительной теории
 а здесь безумная зима

а здесь иголками дырывается
 ночного опыта кора

и близорукая упрямица
 без спросу курит на ура

сквозного дыма энтелехия
 течёт по млечному пути
 и вместо логоса элегия
 и слов слезам не обойти

и свет застыл и время замерло
 и вся навечно из вчера
 по философии экзамена
 в мозгу засела немчура

сосновый абрис умирающий
 твоих конспектов дело швах
 но не пора но не пора ещё
 что нам до опыта в словах

* * *

Недоработка богова, аховская на деле,
 жутким родное логово видит в конце недели.

И отдыхая с присвистом от круговерти пресной,
 знает, что взглядом пристальным день укорит воскресный.

Слова не молвит лишнего, не раскролит знамёна —
 пламя трудов услышано Господом поимённо.

Но подтолкнёт непрощенно в пустоворот по-новой —
 даром надстройка сброшена базисом и основой.

Шарит душа-ленивица по закромам удачи.
 Разве кому счастливится существовать иначе?

Подлеповата, тяготна, падка на сны и страхи —
 та ещё баба-ягода, хоть и родись в рубахе.

По-комсомольски парится над языками жизни
 вздорница и напарница выгоревшим в отчизне.

Но по любой сумятице определяясь в дело,
 к огнеопасной пятнице мчится осиротело.

С позднезастойной удалью и на камнях былого
 пренебрегает убылью, если находит слово.

* * *

Железобетонная дружба с умом
не оберегает в огне сетевом,

а лишь потакает дуричь до утра
и всласть обжигаться о наше вчера.

Но беспроводной интернетовский свет
не одушевляет сошедших на нет,

а настропалает бегом поутру
снаружи свою запирачь конуру

и вскорости прыгать на поезд с ума,
чтоб озолотиться старьём задарма —

той определённо киношной весной,
что главная на Беговой и Лесной,

братаньями до мордобоя в конце,
тверской-поварской зеленцой на лице,

смешками вдогон и кафешками влёт,
всей братией, что вымирает и врёт.

И если арбатский асфальт и бетон
дадут колбасу порубить и батон,

то, видимо, всё-таки хором споём
о том, что не выйдет расстаться живьём.

И даром, что время уже без пяти,
а всё не собратья на поезд идти,

всё не отпускает запальчивый хор
приезжего в свой добровольный затвор.

Но розноголосие ждёт у дверей,
чтоб главное происходило скорей,

и определяться домой из кино
за искру безумия было дано.

* * *

А что не стало общим местом?
Бог маракует с тем же тестом —
прогоркло, сладко ли оно...
А как не выверни — одно.

И перед выпечкой развязки
ни зла не стоят, ни стыда
любые правды и побаски,
любая божья ерунда.